

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ/CRIMINAL LAW SCIENCES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.29> EDN: LCXJIR

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ

Научная статья

Аверинская С.А.^{1,*}, Жамбалова Д.Б.²¹ORCID : ORCID 0000-0001-6390-3598;^{1,2} Иркутский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (aver27[at]mail.ru)

Предложена: 08.05.2026; Принята: 23.06.2026; Опубликовано: 17.07.2026

Аннотация

В статье исследуются правовые и организационные аспекты противодействия экстремизму в России. Анализируются положения Федерального закона № 114-ФЗ и уголовного законодательства, раскрываются различные формы экстремизма: политический, религиозный, националистический, молодежный, социально-групповой и криминально-идеологический. Отмечается их взаимное переплетение, что усложняет правоприменение. Особое внимание уделено дискуссионной проблеме разграничения запрета пропаганды нацистской символики и допустимости её использования в научных, образовательных и просветительских целях. На примерах судебной практики (в том числе по ст. 282.4 УК РФ и делам о публичных призывах в интернете) показано, что решающее значение имеет контекст, умысел и направленность материалов, а не формальное наличие изображения. Сделан вывод о необходимости системной профилактики, правового просвещения и мониторинга цифровой среды как ключевых элементов противодействия экстремизму.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, противодействие экстремизму, формы экстремизма, использование информационно-телекоммуникационной среды в экстремисткой деятельности.

ISSUES RELATING TO COUNTERING EXTREMISM IN RUSSIA

Research article

Averinskaya S.A.^{1,*}, Zhambalova D.B.²¹ORCID : ORCID 0000-0001-6390-3598;^{1,2} Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

* Corresponding author (aver27[at]mail.ru)

Suggested: 08.05.2026; Accepted: 23.06.2026; Published: 17.07.2026

Abstract

The article examines the legal and organisational aspects of countering extremism in Russia. The provisions of Federal Law No. 114-FZ and criminal legislation are analysed, and various forms of extremism are identified: political, religious, nationalist, youth-related, socio-group-based and criminal-ideological ones. It is noted that these forms are intertwined, which complicates the application of the law. Particular attention is paid to the contentious issue of distinguishing between the ban on the propaganda of Nazi symbols and the permissibility of their use for scientific, educational and awareness-raising purposes. On the example from case law (including cases under Article 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation and cases concerning public calls on the internet), it is demonstrated that context, intent and the purpose of the material are of decisive importance, rather than the mere formal presence of an image. The conclusion is made that systematic prevention, legal education and monitoring of the digital environment are essential elements in countering extremism.

Keywords: extremist offences, countering extremism, forms of extremism, use of information and telecommunications media in extremist activities.

Введение

Вопрос противодействия экстремизму в российском правовом поле приобретает все большую значимость в условиях динамичного развития общества и изменения внешнеполитической обстановки. Количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности обладает стабильной тенденцией роста. Так в 2022 году зарегистрировано 1566 преступных деяний данной группы (АППГ +32,51%), в 2023 г. — 1723 (АППГ +10,02%), 2024–2013 (АППГ +16,8%), 2025–2247 (АППГ — 11,6%). Экстремистские проявления представляют угрозу стабильности государства, общественному порядку и безопасности граждан, что требует выработки эффективных механизмов их предупреждения и пресечения. Одновременно возникает необходимость учитывать права и свободы человека, закрепленные в Конституции Российской Федерации [1], что определяет актуальность комплексного анализа законодательных и судебных аспектов противодействия экстремизму.

Основные результаты

Законодательная основа противодействия экстремизму в России формируется прежде всего за счет нормативных актов федерального уровня, центральное место среди которых занимает Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — ФЗ №114) [2]. Данный закон определяет понятие

экстремистской деятельности, устанавливает меры по предупреждению и пресечению экстремистских проявлений, а также регламентирует полномочия государственных органов, общественных объединений и граждан в рассматриваемой сфере. Вместе с тем практика применения законодательства свидетельствует о необходимости более точного толкования отдельных положений и совершенствования процедур выявления и квалификации экстремистских деяний.

В соответствии с ФЗ № 114-ФЗ экстремистская деятельность включает действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение достоинства человека или группы лиц по указанным признакам, а также иные деяния, направленные на подрыв безопасности государства, нарушение общественного порядка и основ конституционного строя. Акцент в законодательстве делается не на субъективных убеждениях лица, а на конкретных действиях, способных причинить вред общественным отношениям и дестабилизировать социальную среду. Тем самым сохраняется связь с конституционным принципом идеологического многообразия и недопустимости государственной монополии на мировоззрение.

Нормативные критерии выявления экстремистской деятельности включают пропаганду и публичное оправдание запрещенных идей, разжигание ненависти или вражды, призывы к насильственным действиям, а также распространение экстремистских материалов. Особое значение имеет не только содержание высказываний, но и их контекст, адресат, форма распространения и возможные последствия для общественных отношений. Именно поэтому в правоприменительной практике требуется объективная оценка фактических обстоятельств дела, а не формальный подход к отдельным словам, символам или изображениям [3].

Отдельное внимание уделяется запрету пропаганды и публичной демонстрации экстремистской символики, а также распространению материалов экстремистского характера. В целях обеспечения правовой определенности используется Федеральный список экстремистских материалов, однако само по себе наличие материала в подобных перечнях не подменяет собой оценку умысла, цели и контекста его использования.

Уголовно-правовая ответственность за экстремистские деяния регулируется, в частности, положениями Уголовного кодекса Российской Федерации [4], предусматривающими ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды, организацию экстремистского сообщества, организацию деятельности экстремистской организации, а также за неоднократную пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской символики. Таким образом, уголовный закон охватывает наиболее опасные проявления экстремизма, когда они приобретают публичный, организованный либо повторный характер.

Экстремизм в современной России принимает различные формы: политическую, религиозную, националистическую, социально-групповую, молодежную и криминально-идеологическую. Каждая из них имеет собственные особенности, но все они объединены общей целью — разрушением общественной стабильности, разжиганием ненависти и оправданием насилия. На практике формы экстремизма часто переплетаются, что усложняет их выявление и противодействие [5].

Критерием классификации указанных форм экстремизма выступили мотивы и идеологическая направленность. Рассмотрим данные формы более подробно. Политический экстремизм связан с попытками насильственного изменения основ конституционного строя, подрыва государственной власти, дестабилизации общественно-политической ситуации и устранения политических оппонентов вне правовых процедур. Для него характерны публичные призывы к насильственным действиям, организация незаконных объединений, распространение радикальной агитации, а также использование информационных ресурсов для дискредитации государственных институтов.

Так, в Иркутской области зафиксированы дела о публичных призывах к экстремизму в интернет-ресурсах; в региональной сводке СК отмечено, что такие дела составляют значительную часть поступающих в суд материалов [6].

Религиозный экстремизм выражается в искажении религиозных учений, утверждении исключительности одной конфессии, отрицании права других религий на существование и оправдании насилия религиозными мотивами. Такая форма экстремизма особенно опасна тем, что воздействует не только на мировоззрение личности, но и на ее систему ценностей, формируя устойчивую враждебность к представителям иных вероисповеданий. В настоящее время в литературе под «религиозным экстремизмом» зачастую понимаются весьма отличающиеся друг от друга явления, сущностное разнообразие которых в полной мере не рефлексировано [7, С. 178].

Националистический экстремизм основан на идее превосходства одной нации, этнической группы или расы над другими. Его идеология строится на унижении человеческого достоинства по национальному признаку, разжигании ненависти к иным этносам, а также призывах к ограничению их прав, вытеснению или насильственному подавлению.

Социально-групповой экстремизм связан с враждебным отношением к определенным социальным слоям, профессиональным сообществам или группам населения. В качестве объектов агрессии могут выступать сотрудники правоохранительных органов, мигранты, бездомные, представители отдельных субкультур, а также иные категории лиц, противопоставляемые экстремистами «своей» социальной группе. Для этой формы характерны призывы к унижению, дискриминации и насилию.

Молодежный экстремизм отличается высокой эмоциональной вовлеченностью, агрессивностью, стремлением к самоутверждению и подражанием радикальным образцам поведения. Его носителями чаще всего становятся подростки и молодые люди, находящиеся в состоянии социальной неустроенности, личностной неопределенности или конфликтов с окружающей средой. Данная форма экстремизма активно распространяется через социальные сети, мессенджеры, видеоплатформы и закрытые онлайн-сообщества.

Криминально-идеологический экстремизм представляет собой форму, в которой экстремистские установки сочетаются с криминальной субкультурой, пропагандой преступных «понятий», культом насилия и отрицанием правовых норм. В отличие от иных разновидностей, здесь радикальная идеология служит не только политическим или

религиозным целям, но и укреплению преступной среды, вовлечению новых участников и оправданию противоправного поведения.

Так же отдельные авторы выделяют такой вид экстремизма, как идеологический экстремизм, под которым следует понимать как экстремизм в идеологии, т.е. систему основанных на ненависти или вражде идей. Иначе говоря, проявление в идеологии ненависти или вражды по экстремистским мотивам [8, С. 241].

Следует отметить, что формы экстремизма редко существуют изолированно. На практике они часто переплетаются: религиозная риторика может использоваться для оправдания политических требований, националистические лозунги — для мобилизации молодежи, а криминальная идеология — для усиления радикальной группы и вовлечения новых сторонников. Именно поэтому противодействие экстремизму требует не только уголовно-правовых и административных мер, но и системной профилактики, включающей воспитательную работу, правовое просвещение, мониторинг информационного пространства и укрепление межнационального и межконфессионального согласия.

Если кратко, экстремизм следует рассматривать не как единичное явление, а как комплекс различных форм радикального поведения, объединенных общей направленностью на разрушение общественной стабильности, разжигание вражды и оправдание насилия. Понимание этих форм имеет важное значение для выработки эффективных мер предупреждения, поскольку позволяет точнее выявлять источники радикализации и своевременно реагировать на возникающие угрозы.

Обсуждение

В правоприменительной практике одной из наиболее дискуссионных проблем остается соотношение запрета на пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской символики, закрепленного в статье 20.3 КоАП РФ и статье 354.1 УК РФ, с допустимостью ее использования в научных, образовательных, музейных, художественных и просветительских целях. Данная коллизия обусловлена тем, что формальное наличие изображения или упоминания нацистской атрибутики само по себе не свидетельствует о наличии экстремистского умысла, поскольку правовое значение имеет не только внешний признак, но и контекст использования, цель обращения к соответствующему материалу, а также направленность на формирование отрицательного отношения к нацизму и его идеологии. В этом смысле особое значение приобретает принцип соразмерности ограничений прав и свобод, вытекающий из ст. 55 Конституции РФ, предполагающий, что вмешательство государства в сферу свободы выражения мнения должно быть необходимым, оправданным и пропорциональным охраняемым конституционным ценностям. Следовательно, использование нацистской символики в экспозициях музеев, документальных фильмах, научных публикациях, учебных материалах или публичных лекциях допустимо при наличии очевидного антиэкстремистского, историко-познавательного либо критического контекста и при отсутствии признаков реабилитации нацизма, его оправдания или пропаганды. Иной, исключительно формальный подход к оценке таких материалов может приводить к необоснованному административному и уголовно-правовому преследованию, что, в свою очередь, сдерживает развитие исторического просвещения, культурных инициатив и научных исследований в сфере противодействия экстремизму.

Показательным примером является дело, связанное с применением статьи 282.4 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за неоднократные пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, если лицо ранее уже подвергалось административному наказанию за аналогичное деяние. В одном из дел, рассмотренных судом Камчатского края, было установлено, что лицо после привлечения к административной ответственности вновь публично демонстрировало нацистскую символику, что и образовало состав преступления по части 1 статьи 282.4 УК РФ. Суд исходил из того, что уголовно-правовая оценка возможна только при наличии повторности и доказанности умысла на публичное демонстрирование запрещенной символики, а не при любом случайном изображении или упоминании. Такой подход важен для разграничения преступного поведения и допустимого использования символики в просветительских либо художественных целях, поскольку сам по себе внешний признак изображения еще не образует состава преступления без установленной пропагандистской направленности [9].

Показательным примером в сфере противодействия онлайн-экстремизму является практика по делам, связанным с размещением экстремистских материалов в социальных сетях, мессенджерах и на интернет-страницах, доступных неопределенному кругу лиц. В таких делах суды, как правило, исходят из того, что публичность распространения подтверждается самим способом размещения контента в сети, а состав правонарушения или преступления определяется не только фактом публикации, но и содержанием материала, направленностью высказываний и их возможностью формировать у аудитории негативное отношение к определенной группе лиц. Если лицо систематически распространяет призывы к насилию, материалы запрещенных организаций либо нацистскую символику в сети, его действия могут квалифицироваться по уголовным статьям о публичных призывах к экстремистской деятельности, возбуждении ненависти либо неоднократной пропаганде запрещенной символики. В то же время суды указывают, что при наличии научного, исторического, критического или просветительского контекста публикация не должна автоматически рассматриваться как экстремистская, поскольку для квалификации требуется оценка всей совокупности обстоятельств.

Таким образом, судебная практика постепенно формирует подход, при котором решающее значение имеет не сам факт нахождения материала в интернете, а его смысл, направленность и реальная общественная опасность.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что противодействие экстремизму в России представляет собой не разовую карательную меру, а сложную систему правовых, организационных и профилактических механизмов, направленных на защиту конституционного строя, общественной безопасности и межнационального согласия. Наиболее уязвимыми

сегодня остаются цифровая среда, молодежные сообщества и сфера публичной коммуникации, где радикальные идеи распространяются особенно быстро и часто маскируются под политическую, религиозную или культурную дискуссию.

Именно поэтому современная модель противодействия должна строиться не только на пресечении уже совершенных правонарушений и преступлений, но и на раннем выявлении рисков, правовом просвещении, развитии медиаграмотности и укреплении устойчивости общества к деструктивной идеологии.

Повышения уровня правосознания является приоритетной задачей государства и выступает основным фактором противодействия преступлений не только экстремистского характера, но и преступности в целом [10, С. 55].

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Российская Федерация. Конституция. Конституция Российской Федерации: от 12 декабря 1993 года (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1993. — № 32. — Ст. 2926.
2. Российская Федерация. Законы. О противодействии экстремистской направленности: фед. закон: [от 25 июля 2002 № 114-ФЗ] // Собрание законодательства. — 2002. — № 30. — Ст. 3031.
3. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремисткой направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 № 11 // КонсультантПлюс.
4. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: фед. закон: [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 20.02.2026] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
5. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Фридинский Сергей Николаевич. — Москва, 2011. — 42 с.
6. Практика рассмотрения судами Иркутской области дел о преступлениях, предусмотренных статьями 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ // ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/34753195/> (accessed: 02.04.2026).
7. Рязанов Д.С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное / Д.С. Рязанов // Известия Иркутского государственного университета. — 2014. — Т. 7. — С. 177–184.
8. Кочои С.М. О качестве уголовно-правового регулирования ответственности за экстремизм и идеологический экстремизм / С.М. Кочои // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — № 2. — С. 240–247.
9. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 4 апреля 2025 г. по делу № 1-22/2025 (1-717/2024) // Официальный сайт Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края.
10. Насков Д.С. Формирование правосознания, как фактор противодействия экстремизму / Д.С. Насков // Правовая жизнь. — 2022. — № 1 (37). — С. 51–55.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Rossiiskaya Federatsiya. Konstitutsiya. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: ot 12 dekabrya 1993 goda (prinyata vsenarodnim golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020) [The Russian Federation. Constitution. Constitution of the Russian Federation: dated 12 December 1993 (adopted by a nationwide referendum on 12 December 1993, with amendments approved by a nationwide referendum on 1 July 2020)] // Sbranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. — 1993. — № 32. — Art. 2926. [in Russian]
2. Rossiiskaya Federatsiya. Zakoni. O protivodeistvii ekstremistkoi napravlenosti: fed. zakon: [ot 25 iyulya 2002 № 114-FZ] [Russian Federation. Laws. On Countering Extremist Activities: Federal Law: [No. 114-FZ of 25 July 2002]] // Sbranie zakonodatelstva [Collection of Legislation]. — 2002. — № 30. — Art. 3031. [in Russian]
3. O sudebnoi praktike po ugolovnim delam o prestupleniyakh ekstremistkoi napravlenosti: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 28 iyunya 2011 № 11 [On case law relating to criminal cases involving extremist offences: Resolution No. 11 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 June 2011] // ConsultantPlus. [in Russian]
4. Rossiiskaya Federatsiya. Zakoni. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: fed. zakon: [ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ: red. ot 20.02.2026] [Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law: [No. 63-FZ of 13 June 1996: as amended on 20 February 2026]] // Sbranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. — 1996. — № 25. — Art. 2954. [in Russian]
5. Fridinskii S.N. Protivodeistvie ekstremistkoi deyatel'nosti (ekstremizmu) v Rossii: sotsialno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie [Countering extremist activity (extremism) in Russia: a socio-legal and criminological study]: abst. diss. ... PhD in Legal Sciences / Fridinskii Sergei Nikolaevich. — Moscow, 2011. — 42 p. [in Russian]

6. Praktika rassmotreniya sudami Irkutskoi oblasti del o prestupleniyakh, predusmotrennikh statyami 280, 282, 282.1, 282.2 UK RF [The practice of the courts in the Irkutsk Region in hearing cases concerning offences under Articles 280, 282, 282.1 and 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation] // GARANT. — URL: <https://base.garant.ru/34753195/> (accessed: 02.04.2026). [in Russian]
7. Ryazanov D.S. Religioznii ekstremizm, religiozno-politicheskii ekstremizm i religioznii fundamentalizm: obshchee, osobennoe, yedinichnoe [Religious extremism, religious-political extremism and religious fundamentalism: commonalities, differences and specific traits] / D.S. Ryazanov // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Irkutsk State University]. — 2014. — Vol. 7. — P. 177–184. [in Russian]
8. Kochoi S.M. O kachestve ugovovno-pravovogo regulirovaniya otvetstvennosti za ekstremizm i ideologicheskii ekstremizm [On the Quality of Criminal Law Regulation of Liability for Extremism and Ideological Extremism] / S.M. Kochoi // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Journal of Criminology]. — 2022. — № 2. — P. 240–247. [in Russian]
9. Prigovor Petropavlovsk-Kamchatskogo gorodskogo suda Kamchatskogo kraia ot 4 aprelya 2025 g. po delu № 1-22/2025 (1-717/2024) [Judgement of the Petropavlovsk-Kamchatsky City Court of the Kamchatka Krai dated 4 April 2025 in Case No. 1-22/2025 (1-717/2024)] // Official website of the Petropavlovsk-Kamchatsky City Court of Kamchatka Krai. [in Russian]
10. Naskov D.S. Formirovanie pravosoznaniya, kak faktor protivodeistviya ekstremizmu [The Development of Legal Awareness as a Factor in Countering Extremism] / D.S. Naskov // Pravovaya zhizn [Legal Life]. — 2022. — № 1 (37). — P. 51–55. [in Russian]